

“Тарантино нас ни о чем не спрашивал”

Режиссер Тимур Бекмамбетов, известный российскому зрителю прежде всего по серии рекламных роликов банка «Империал», стал режиссером «Ночного дозора» — масштабного фантастического боевика, снятого по одноименной книге Сергея Лукьяненко и спродюсированного Первым каналом. Накануне премьеры **Тимур Бекмамбетов** ответил на вопросы **Игоря Потапова**.

С чего для вас началась работа над этим фильмом?

Я был приглашен продюсерами. Лукьяненко до этого я не знал, фантастикой не увлекаюсь... по крайней мере фанатом этого жанра не был.

Насколько сильно пришлось изменить первоначальный сценарий?

Пришлось. Поскольку я сам в процессе работы знакомился с этим миром и начинал его познавать, понимать, ощущать. Для меня самый главный вопрос — поверит зритель в существование этого мира или не поверит. А не то, какая история получилась — хорошая, плохая, про «светлых», про «темных»...

В первой части по сравнению с книгой сделаны некие сюжетные изменения, которые, наверное, во второй части должны еще дальше увести сюжет фильма от первоисточника. Это так?

Нет. Дальше от книги сюжет не уходит. Просто появилась история про то, что главный герой оказывается отцом мальчика, которого спасает. Я с самого начала подумал о том, что так эти взаимоотношения станут гораздо драматичнее. Появляется личный интерес у человека в истории, и это сразу делает ее более понятной. Мотивировки уже не абстрактные, не борьба света с тьмой, а более личное что-то.

В какой момент вы решили ввести в фильм эти личные мотивы?

Мне показалось необходимым как-то войти в историю. Войти вместе с героем в этот мир иных. Книжку ведь покупают только те, кто читает фантастику, для них это естественно — они уже много прочитали про иные миры. А зрителей, которые ходят в кино, гораздо больше, и не все они верят в существование иных миров, поэтому их надо было туда под ручку проводить.

У вас не было соблазна снять узнаваемую Москву — условно говоря, показать схватки вампиров на фоне храма Христа Спасителя?

Это было принципиальное решение — показать Москву окраин — Ватутинок, Свиблово, а не Москву в районе Садового кольца.

Тем не менее Кремль у вас появляется... Ну это в тот момент, когда отключается электричество, чтобы показать: что-то глобальное произошло, даже здесь... А мир наших героев — это окраины и вообще ро-

Тимур Бекмамбетов — Газете

Тимур Бекмамбетов: «Когда начинаешь все объяснять, таким себя идиотом чувствуешь...»
Фотограф: Франк Вильягра/Газета

мантика «совка». Честность и достоверность очень важны. А спальные районы очень достоверны и очень романтичны. Наши панельные дома — это уже культовые сооружения.

Культовые для тех, кто в них живет?

Хотелось бы, чтобы это были культовые места для всех. Те, кто живет, у них особенное отношение — как, наверное, в Венеции: дома на воде для них место жительства, а для всего мира это определенный образ. Для всего мира сейчас старой Москвой является Замоскворечье, но тогда все мы живем не в Москве, получается. Хочется, чтобы человек чувствовал свои легенды, свои мифы.

Как подбирались актеры?

Это очень субъективный процесс. Иногда актеры подбирались под роли, иногда роли корректировались под актеров. Вот в случае с Золотухиным, который играет пожилого вампира, скорее актер подбирался под роль, я его так видел. А с Гошей Куценко, наоборот, — роль под актера. Потому что он сам по себе персонаж интересный. На него интересно смотреть. Но его роль — соблазнителя Игната — она в романе несколько другая. А тут возникла мысль: мо-

жет, сделать Игната не блондином-красавцем, а придумать ему несколько более драматичную судьбу.

Откуда взялись в качестве актеров Жанна Фриске и Илья Лагутенко?

Потому что они играют «темных», а поп-культура вообще — это прекрасный мир темного. Их любят, как положено любить все темное и запретное. «Любят», наверное, неправильное слово. Мы соблазнены ими. А соблазнители должны быть яркими, как поп-звезды. И это оправдалось абсолютно. Жанна Фриске и Илья — они знают, как соблазнять аудиторию, они чувствуют зрителя, это их свойство.

Получается, что «темные» — это богема, а «светлые» — работяги вроде электриков.

Да, «темные» — это те, кто из-за ощущения внутренней свободы и безответственности очень привлекательны. А «светлые» вследствие груза своих обязательств — суежливые, замученные жизнью, зарабатывающие.

Не слишком ли трудно человеку, незнакомому с книгой, разобраться в подробностях магической реальности?

газета

древнеримский вальс

Тимур Бекмамбетов родился в 1961 году в городе Гурьеве Казахской ССР, окончил Ташкентский художественно-театральный институт как художник театра и кино. Снимал рекламные ролики, в том числе известную серию исторических роликов для рекламы банка «Империал», а в 1994-м снял в соавторстве с Геннадием Каюмовым фильм «Пешаварский вальс». Шестью годами позже в США сделал для известного продюсера Роджера Кормана исторический боевик из жизни римских женщин-гладиаторов «Арена», в России известный под названием «Гладиатрикс».

Это была дилемма — либо попытаться все рассказать и объяснить, либо нет. Но объяснения привели бы к перегрузке. Когда начинаешь все объяснять, таким себя идиотом чувствуешь... Это же не роман, в котором можно отложить объяснение, а потом дальше продолжить. В кино все происходит у тебя на глазах, и когда тебе начинают в этот момент объяснять все по пятнадцать минут, как в «Матрице»... мне просто скучно становится, я засыпаю. Мир нужно почувствовать. У нас не было задачи объяснить мир — нам надо было, чтобы в него поверили. Чем больше ты объясняешь, тем меньше тебе верят. Если все разжевывать, у зрителя возникнут свои доводы, начнется путаница...

Что повлияло на ваш режиссерский стиль?

Больше всего, наверное, работа в рекламе. Когда ты не рассчитываешь на то, что зритель к тебе благосклонно относится. Знаешь, что зритель не очень рад тебя видеть. Это породило и достоинства этого фильма, и недостатки. Я не привык к тому, что зритель хочет смотреть мое кино, мою рекламу. Поэтому я делал этот фильм так, чтобы зритель не мог оторваться.

На церемонии закрытия Московского международного кинофестиваля Никита Михалков охарактеризовал «Ночной дозор» как «наш ответ Тарантино». Вы бы с этим утверждением согласились?

Я не знаю. Тарантино нас ни о чем не спрашивал, поэтому мы ему не отвечали. Мы сняли то кино, которое хотели снять, и очень надеемся, что фильм станет мифом, который будет жить, что люди не будут стесняться таких районов, как Ватутинки, что люди подумают: «Как круто выглядит наш ЗИЛ-130!» Ведь в Америке все ездят на обычных машинах, а кино сделало эти машины легендарными. Когда ты видишь американский фильм, ты думаешь: как они красиво живут... А это уже было в тысяче фильмов, в этих декорациях уже ходили великие актеры, они обладают какой-то ценой. Ватутинки пока еще не стали таким местом, и этот фильм — попытка по-другому посмотреть на нашу реальность и показать, что все это дико красиво и ничуть не хуже, чем Венеция или Лос-Анджелес.